

Белова Д.И.

магистрант

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»

Vladivostok State University

Belova D.I.

Master's student

Vladivostok State University

КИБЕРБУЛЛИНГ КАК ВЫЗОВ УГОЛОВНО–ПРАВОВОЙ ДОГМАТИКЕ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ СВОБОДОЙ СЛОВА И ЗАЩИТОЙ ЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье исследуется кибербуллинг как деяние, не охватываемое традиционными составами преступлений против чести, достоинства и психической неприкосновенности. Цель – обосновать внедрение в российское уголовное законодательство специального состава, отражающего концепцию «цифрового психологического насилия». Материалами послужили нормы уголовного права России, Германии, Великобритании, а также законодательство отдельных штатов США, судебная практика, статистические данные и законопроекты, внесённые в Государственную Думу Российской Федерации. Методологическую основу составили сравнительно–правовой, догматический, а также анализ правоприменительной практики. Результаты: выявлены пробелы российского законодательства: отсутствие легального определения кибербуллинга, специального состава преступления и эффективных процессуальных механизмов идентификации анонимного субъекта; обоснована необходимость закрепления статьи 115.1 в Уголовном кодексе Российской Федерации «Кибербуллинг» и статьи 5.61.2 в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, а также восстановительных программ для несовершеннолетних. Новизна заключается в нормативной конкретизации концепции «цифрового психологического насилия» через объективные критерии систематичности и существенного вреда психическому здоровью, позволяющие отграничить кибербуллинг от смежных деликтов и соблюсти баланс со свободой слова.

Ключевые слова: кибербуллинг, цифровое психологическое насилие, уголовно–правовая догматика, криминализация, свобода слова, психическая неприкосновенность, сравнительное правоведение.

CYBERBULLYING AS A CHALLENGE TO CRIMINAL LAW DOCTRINE: FINDING A BALANCE BETWEEN FREEDOM OF SPEECH AND PERSONAL PROTECTION IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The article examines cyberbullying as an act that is not covered by traditional crimes against honor, dignity, and mental integrity. The goal is to justify the introduction of a special crime in Russian criminal legislation that reflects the concept of "digital psychological violence." The article uses the norms of criminal law in Russia, Germany, and the United Kingdom, as well as the legislation of individual US states, court practices, statistical data, and bills submitted to the State Duma of the Russian Federation. The methodology includes comparative legal analysis, dogmatic analysis, and analysis of law enforcement practices. Results: gaps in Russian legislation have been identified, including the lack of a legal definition of cyberbullying, a specific crime, and effective procedural mechanisms for identifying anonymous subjects. The study also highlights the need for the inclusion of Article 115.1 in the Criminal Code of the Russian Federation, which addresses cyberbullying, and Article 5.61.2 in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as well as the

implementation of restorative programs for minors. The novelty lies in the normative specification of the concept of "digital psychological violence" through objective criteria of systematicity and significant harm to mental health, which allow for distinguishing cyberbullying from related torts and maintaining a balance with freedom of speech.

Keywords: cyberbullying, digital psychological violence, criminal law dogmatics, criminalization, freedom of speech, mental integrity, comparative law.

Введение

Цифровая трансформация социальных коммуникаций, сопровождающаяся существенным ростом пользовательской активности в информационно–телекоммуникационных сетях, детерминировала возникновение новых форм девиантного поведения, одной из которых выступает кибербуллинг. Согласно данным исследования платформы «ВКонтакте» (2023 г.), более 30% российских пользователей становились объектом онлайн–травли, при этом троллинг как разновидность киберагрессии затронул 65% респондентов [1]. Официальное признание государством социальной значимости проблемы нашло отражение в методических рекомендациях Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по профилактике буллинга, обозначениях в письме от 13.12.2022 г. № МН–6/1873 [2].

Вместе с тем уголовно–правовая реакция на кибербуллинг характеризуется фрагментарностью и отсутствием системного подхода. Ключевая проблема состоит в неопределённости юридической природы данного феномена: является ли кибербуллинг совокупностью традиционных противоправных деяний (клеветы, оскорбления, угроз) либо образует самостоятельный состав с качественно иной степенью общественной опасности. Отсутствие легальной дефиниции и специального состава преступления порождает правовую неопределённость, создаёт пробелы в правоприменении и не позволяет в полной мере реализовать позитивные обязательства государства по защите личности от цифрового психологического насилия.

Цель исследования представляет собой разработку и теоретическое обоснование модели уголовно–правового противодействия кибербуллингу, основанной на концепции «цифрового психологического насилия», с учётом зарубежного законодательного опыта и требований баланса между свободой слова и охраной психической неприкосновенности личности.

Материальную базу исследования составили: Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Уголовный кодекс Германии (§§ 185, 238 StGB) (далее – УК Германии), Закон о вредных цифровых коммуникациях 2015 г. (Новая Зеландия), Законы о коммуникациях 2003 г. и о злонамеренных коммуникациях 1988 г. (Великобритания), законодательство штатов Калифорния (Penal Code § 653.2), Техас (Penal Code § 42.07 и David's Law) [15] и Нью–Йорк (США), данные ВЦИОМ (2025), законопроекты, внесённые в Государственную Думу Российской Федерации в 2024–2025 гг., а также доктринальные источники.

Методологический инструментарий включает: сравнительно–правовой метод (сопоставление юрисдикционных моделей криминализации), формально–догматический (анализ юридических конструкций), герменевтический (толкование правовых норм), системно–структурный (выявление взаимосвязей между составами) и метод правового моделирования (разработка проектных норм).

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Догматические подходы к квалификации кибербуллинга: критический анализ

В доктрине уголовного права и законодательной практике сложились три основных подхода к противодействию кибербуллингу.

Первый подход: расширительное толкование традиционных составов (Германия, Россия). В Германии деяния квалифицируются по § 185 StGB (оскорбление) и § 238 StGB (преследование) [4]. Судебная практика (BGH, Urteil vom 12.03.2019 – 5 StR 567/18) признаёт, что психологическое воздействие через цифровые средства может приравниваться к физическому преследованию. В России отдельные проявления кибербуллинга подпадают под ст. 5.61 КоАП РФ (оскорбление), ст. 128.1 УК РФ (клевета), ст. 119 УК РФ (угроза убийством), ст. 110.1 УК РФ (доведение до самоубийства) [5].

Минус данного подхода в том, что он не способен охватить эффект систематичности, когда вред от длящегося психологического давления превышает сумму полученного вреда от каждого отдельного акта. Кроме того, отсутствует единая теоретическая основа для квалификации кибербуллинга как самостоятельного деяния, что ведёт к правовой неопределённости.

Второй подход: создание синтетического (композитного) состава. Преимущество заключается в учёте комплексного характера вреда. Однако возникают догматические трудности: размывается родовый объект, усложняется определение момента окончания длящегося преступления, появляется риск нарушения принципа «*nullum crimen sine lege certa*», т.е. определённости уголовного закона.

Третий подход: введение специальных «модельных» составов на уровне штатов США (например, в Калифорнии – Penal Code § 653.2 [8]). Законодатель максимально точно отражает специфику цифровой среды: анонимность, повторяемость, использование фейковых аккаунтов. Недостатком является фрагментарность и неравенство правовой защиты между штатами, а также повышенные требования к доказыванию субъективного умысла (*mens rea*).

2. Сравнительный анализ зарубежных моделей

Проведённое сравнение по пяти критериям (специальная криминализация, структура регулирования, механизм доказывания, ответственность платформ, профилактика и медиация) позволило выявить следующие закономерности.

США. Специальная криминализация отсутствует на федеральном уровне, но реализована на уровне штатов: к 2024 г. 48 штатов приняли законы, прямо криминализирующие кибербуллинг (например, Penal Code § 653.2 Калифорнии [8]). Структура регулирования децентрализованная, что порождает неравенство в защите и сложности при трансграничных инцидентах. Доказывание умысла существенно усложнено и требует подтверждения субъективного намерения причинить вред (*mens rea*). Ответственность платформ ограничена иммунитетом Section 230 Communications Decency Act [9]. Профилактические меры развиты ограниченно, в основном в виде школьных политик.

Германия. Специальные составы, посвящённые кибербуллингу, отсутствуют. Правоприменители адаптируют традиционные нормы: § 185 StGB (оскорбление) и § 238 StGB (преследование) [4]. Структура регулирования централизованная (федеральный УК и Закон о телемедиа). Доказывание осложнено необходимостью идентификации анонимного виновного (фейковые аккаунты, VPN) и подтверждения умысла на унижение или запугивание. Ответственность платформ закреплена в § 7 Telemediengesetz (система notice-and-takedown) [10]. Профилактика и медиация не являются системным приоритетом.

Великобритания. Имеется специальный закон: Communications Act 2003 (с поправками Serious Crime Act 2021) прямо криминализирующие отправку грубых, оскорбительных или угрожающих сообщений в интернете [11]. Структура регулирования централизованная. Доказывание упрощено, достаточно установить факт отправки такого сообщения и его направленность на причинение беспокойства или страданий; умысел презюмируется из характера сообщения. Ответственность платформ реализуется через судебные приказы об удалении контента (*restraining orders*). Наиболее развитая система профилактики и медиации: специализированные организации (Kidscape, Childline), программы восстановительного правосудия (Youth Justice Board), обязательные школьные политики и образовательные модули по цифровой грамотности.

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов к криминализации кибербуллинга

Критерий	США	Германия	Великобритания
Специальная криминализация	Частично (40 штатов из 50)	Отсутствует	Присутствует (Communications Act 2003)
Структура регулирования	Децентрализованная	Централизованная (федеральный УК)	Централизованная
Доказывание умысла	Сложное (требование <i>mens rea</i> по <i>Elonis</i>)	Сложное (идентификация анонимного лица)	Упрощённое (достаточно факта отправки оскорбительных сообщений)
Ответственность интернет-платформ	Ограничена (Section 230 CDA)	Предусмотрена (§ 7 TMG, система <i>notice-and-takedown</i>)	Присутствует (судебные приказы об удалении)
Профилактика и медиация	Ограниченно (школьные политики)	Не являются системным приоритетом	Развитая система (Kidscape, Childline, <i>restorative justice</i>)

Источник: составлено авторами

Наиболее сбалансированной представляется британская модель, сочетающая уголовно-правовые запреты с внесудебными восстановительными процедурами. Однако её прямая имплементация в российскую правовую систему затруднена в силу различий в правовой культуре и уровне развития институтов гражданского общества.

3. Пробелы российского уголовного законодательства в сфере противодействия кибербуллингу

На основе проведённого анализа выделены следующие пробелы.

Догматический пробел: отсутствие легальной концепции «цифрового психологического насилия», позволяющей квалифицировать систематическое психическое давление как единое преступное деяние, а не совокупность административных правонарушений. Как справедливо отмечает М.И. Синяева, в цифровой среде «отсутствуют легитимные критерии определения момента окончания преступления и количественных параметров аудитории, достаточной для квалификации высказывания как «публичного» [12, с. 251]. Кроме того, традиционные лингвистические методики не учитывают поликодовый характер сообщений (сочетание текста, эмодзи, аудио и видео), что создаёт дополнительные сложности при установлении умысла [12, с. 253].

Нормативный пробел: отсутствие специального состава, криминализирующего создание фейкового аккаунта с целью травли, а также систематические действия, причиняющие существенный вред психическому здоровью.

Процессуальный пробел: отсутствие в УПК РФ упрощённых процедур получения сведений о пользователях у провайдеров и администраторов платформ на стадии доследственной проверки, что делает расследование затяжным и часто бесперспективным. М.И. Синяева указывает на отсутствие унифицированных подходов к сбору, фиксации и процессуальной легитимации цифровых доказательств, что затрудняет достоверное установление авторства и неизменности цифровых следов [12, с. 254].

Кроме того, анализ законодательных инициатив 2024–2025 гг. показывает их фрагментарность и отсутствие комплексного подхода. Так, законопроект, предложенный Государственной Думой Российской Федерации, ограничивается профилактическими мерами в школе, не вводя уголовной ответственности [13]. В свою очередь, законопроект ЛДПР предлагает лишь административные штрафы, неприменимые к несовершеннолетним [14].

4. Обоснование концепции «цифрового психологического насилия» и предлагаемые изменения в законодательство

Развивая теорию психической неприкосновенности личности, мы предлагаем рассматривать кибербуллинг как форму цифрового психологического насилия. Е.В. Бочкарева и Д.А. Стренин определяют кибербуллинг как «умышленное виновно совершенное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи» [6, с. 92]. Согласно их исследованию, 70,9% опрошенных хотя бы раз подвергались кибербуллингу, причём наиболее частой формой был харрасмент (94,6% случаев) [6, с. 93].

Важным фактором уязвимости выступает зависимость от смартфона. Как показывает В.П. Шейнов, «зависимость от смартфона положительно связана... с опасностью стать жертвой кибербуллинга» [15, с. 245].

Баланс со свободой слова (ст. 29 Конституции РФ) обеспечивается введением объективных критериев: систематичность (не менее двух актов в течение шести месяцев) и наличие подтверждённого медицинским заключением существенного вреда психическому здоровью. Единичное высказывание, даже оскорбительное, не подпадает под действие предлагаемой нормы. Таким образом предлагается следующий проект статьи 115.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Кибербуллинг»:

УК РФ Статья 115.1. Кибербуллинг

1. Кибербуллинг, то есть систематическое унижение чести и достоинства лица, оказание на него психологического давления, сопряжённое с вторжением в его частную жизнь, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», и причинившие существенный вред психическому здоровью потерпевшего, –

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до четырёхсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершённое:

- а) в отношении несовершеннолетнего;
- б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- в) с использованием поддельного лица или кражи личности (фейкового аккаунта);
- г) повлёкшее тяжкие последствия (тяжкий вред здоровью, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего), –

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет.

Примечание. Под систематичностью в настоящей статье понимается совершение двух и более актов кибербуллинга в течение шести месяцев.

Одновременно предлагается также дополнить КоАП РФ статьёй 5.61.2, устанавливающей административную ответственность за кибербуллинг без признаков уголовно наказуемого деяния (отсутствие существенного вреда психическому здоровью). Для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет предусматривается обязательное применение восстановительных программ (медиация, заглаживание вреда).

Выводы

Кибербуллинг обладает своеобразием, не сводимым к совокупности традиционных составов (клевета, оскорбление, угрозы), что обуславливает необходимость его самостоятельной криминализации. Теоретическим фундаментом такой криминализации выступает концепция «цифрового

психологического насилия», акцентирующая охрану психической неприкосновенности личности в цифровой среде.

Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что оптимальной для России является интегративная модель: введение специального «модельного» состава в УК РФ (по аналогии с передовыми законодательными решениями штатов США) при одновременном развитии восстановительных и административных процедур (по британскому образцу). Предлагаемая редакция ст. 115.1 УК РФ и ст. 5.61.2 КоАП РФ позволяет дифференцировать ответственность в зависимости от тяжести последствий, возраста субъекта и наличия квалифицирующих признаков (фейковый аккаунт, групповая травля).

Для эффективной реализации предложенных норм необходимо внести изменения в УПК РФ, предусматривающие упрощённый порядок получения от провайдеров и платформ информации о пользователях, а также утвердить ведомственные методики фиксации цифровых доказательств (скриншоты, метаданные, IP-адреса), как это предлагается в доктрине [12, с. 254].

Литература:

1. Кибербуллинг в России: масштабы и формы / Исследование социальной сети «ВКонтакте» // ВКонтакте: официальный сайт. – URL: <https://vk.company/ru/esg/blog/11897/> (дата обращения: 28.03.2026).
2. О направлении методических рекомендаций по профилактике буллинга в образовательных организациях: письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 13.12.2022 г. № МН–6/1873 // Контур.Норматив: справочная система. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=471767> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2021. – С. 494.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.04.2026).
5. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 91–97.
6. Harmful Digital Communications Act 2015 (Public Act, 2015 No. 63) // New Zealand Legislation: официальный сайт. – URL: <http://www.legislation.govt.nz> (дата обращения: 19.02.2026).
7. California Penal Code § 653.2 PC – Electronic Cyber Harassment Law in California // Shouselaw: официальный сайт. – URL: <https://www.shouselaw.com/ca/defense/penal-code/653-2/> (дата обращения: 21.02.2026).
8. 47 U.S. Code § 230 – Protection for private blocking and screening of offensive material // Cornell Law School: официальный сайт. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (дата обращения: 21.02.2026).
9. Telemediengesetz Abschnitt 3 – Verantwortlichkeit (§§ 7–10) // Dejure: официальный сайт. – URL: <https://dejure.org/gesetze/TMG/7.html> (дата обращения: 23.02.2026).
10. Communications Act 2003 (Chapter 21, as updated up to March 19, 2021) // WIPO Lex: официальный сайт. – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20893> (дата обращения: 23.02.2026).
11. Синяева М.И. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации речевой агрессии молодежи в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 517. – С. 249–255.

12. В Думе предложили «курс исправления» для школьных буллеров и их родителей // РБК: официальный сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/society/22/09/2024/66ed88bf9a79473763592490> (дата обращения: 06.02.2026).

13. Границу между критикой и буллингом провести сложно // Коммерсант: официальный сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8270997> (дата обращения: 06.02.2026).

14. Шейнов В.П. Взаимосвязи зависимости от смартфона с психологическими и социально–психологическими характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2021. – Т. 18, № 1. – С. 235–253.